

530283

84(2p=Болх)
В 903

АЗДЕТ БУЛАЕВ

СТИХИ. ПОЭМЫ

Азрет Будаев

**(ТИХИ
и
ПОЭМЫ**

530283

Кабардино-Балкарское
книжное издательство
Надъчик 1962

КБАСР
Республиканская библиотека
им. Н. В. Кривской
г. Нальчик, ул. Ленина, 12

СЛОВО О ДРУГЕ

Сильный и светлый образ Азрета Будаева, человека с чистой душой, незаурядного поэта, так живо стоит перед нашими глазами, черты его красивого лица так ярко всплывают в памяти, голос его, громкий, но душевный, так еще незаглушенно звучит в ушах, так трудно писать о нем, как об ушедшем.

А ведь прошло двадцать лет со дня его трагической гибели. В облике Будаева, человека и поэта, было много привлекательного. Он был правдивым и искренним, честным и принципиальным, решительным и смелым. Гражданские и писательские интересы Азрета Будаева были тесно связаны с интересами его народа. Парус его поэтического корабля всегда надувался ветром современности. Поэт пристально следил за ходом жизни, глубоко знал своих героев, жил с ними, знал их стремления, разделял волнения, радость, любовь, ненависть, вместе с ними боролся за осуществление идей партии. Найти! Открыть! Создать! — этим занимался всю свою непродолжительную поэтическую жизнь поэт-коммунист. Именно поэтому многие стихи Будаева и сегодня дышат современностью, находят друзей, льнут к сердцу,

оставляют впечатление молодости, силы поэтической души, продолжают жить.

Азрет Кичибатырович Будаев родился в 1915 году в селении Верхний Баксан в семье горца-бедняка.

Тяжелым было детство поэта. С малых лет он уже пас овец местных кулаков. Часто он с огромным вниманием слушал рассказы чабанов о древних нартах, о героической борьбе горской бедноты с князьями, интервентами и белогвардейцами. Азрет любил сказки и особенно песни матери. Иногда она складывала их сама. В них говорилось про отца, который участвовал в русско-японской войне. В ее песнях было много скорби и печали. Иногда она пела песни-плачи, песни-рыдания, давая волю своим слезам.

В 1925 году Азрета определяют в медресе*. Но скоро будущий поэт покидает эту школу и поступает в русскую школу-семилетку, которую заканчивает в 1931 году. После окончания годичных курсов в городе Пятигорске был учителем, корректором газеты «Ленинский путь», литературным сотрудником и ответственным секретарем редакции этой же газеты. Печататься начал в 1933 году. Уже будучи известным поэтом, работал редактором издательства и инструктором Кабардино-Балкарского обкома КПСС.

В 1935 году был издан его первый сборник «Стихи и песни», в 1938 году — книга стихов «Моя родина», в 1941 году опубликована поэма «В прошлом».

В начале Великой Отечественной войны Азрета Будаева избирают первым секретарем Черекского РК КПСС. В расцвете творческих сил, находясь в рядах советских партизан, поэт погиб в 1942 году, сражаясь против немецких оккупантов.

В газете «Социалистическая Кабардино-Балкария»

* Духовное училище

от 8 октября 1943 года было помещено письмо с фронта М. Жамбаева, рассказывающее о том, как советские воины мстили фашистским оккупантам за смерть поэта. Вот отрывок из этого письма:

«Находясь в действующей армии, я узнал о том, что от рук фашистских палачей погиб мой близкий товарищ, один из лучших балкарских поэтов — Азрет Будаев. Когда гитлеровцы заняли Кабардино-Балкарию, Азрет с оружием в руках ушел в ряды народных мстителей — партизан. Раненный в бою, он попал в руки врагов. Фашистские мерзавцы долго мучили и пытали Азрета, добываясь от него сведений о партизанах. Но ничего не сказал им верный сын нашего народа. Последним словом его было: «Придет Красная Армия и отомстит за меня. Не жить фашистам на нашей земле».

Как воин Красной Армии... я дал клятву беспощадно мстить оккупантам за его гибель. 8 июля 1943 года с группой бойцов мы разгромили немецкий штаб в тылу врага. В короткой, но жестокой схватке я лично уничтожил 27 фашистов. До 40 гитлеровцев истребили мои товарищи. Двух обер-лейтенантов и капитана мы взяли в плен.

Так я начал свой счет мести врагам».

Людам дороги свет и тепло, — они научились владеть огнем. Поэзия Азрета — это свет его души и жар его сердца, который не смогли погасить враги человечества — фашисты и их пособники.

Азрет Будаев принадлежит к поколению писателей, выступивших со своими первыми стихами в начале 30-х годов. Эти годы в истории Кабардино-Балкарии знаменуются подъемом хозяйства и просвещения. Ростки

балкарской литературы в это время были очень слабыми. Еще не были собраны воедино стихи и поэмы поэта и кузнеца Кязима Мечиева. Вокруг Кязима, Саида Шахмурзаева тогда только что начала подниматься молодая литературная поросль, заявившая о себе первыми робкими стихами, первыми скромными газетными очерками, навеянными историческими переменами в жизни горцев. К этому времени в балкарской советской поэзии плодотворно начинали творить Берт Гуртуев, Саид Отаров, Омар Этезов, Керим Отаров, Жанаканит Залиханов, Сафар Макитов. В 30-х годах появились первые стихи Кайсына Кулнева, именем и творениями которого ныне гордится балкарский народ.

В первых своих стихах Азрет Будаев отображал счастливую жизнь балкарского народа, его экономические и культурные достижения. Новая советская эпоха, новые исторические условия жизни горцев определили основное содержание и направление творчества Будаева. В его творчестве находит отражение классовая борьба в деревне («Это — его последний день»), тема классовой борьбы трудящихся капиталистических стран («Тельману»).

Большим стимулом для творческого роста А. Будаева явилась организация колхозов в Кабардино-Балкарии, в том числе в родном ауле поэта. Будаев с большим воодушевлением воспевае созидательный труд колхозников («Косари», «Ваша дорога светла», «Колхозный контролер»), славит подъем культуры в балкарском ауле («Телефон»), во многих стихах воспевае Родину, родную Кабардино-Балкарию:

...Ты, словно сказания, старая
И юная, словно цветы,
Моя Кабардино-Балкария, —
Свободна и счастлива ты!

(«Моя республика»).

Своей творческой работой поэт способствовал развитию содружества и братства балкарской и русской литератур. Произведения Будаева показывают, что он любил русский народ верной и пламенной любовью. Он глубоко знал, ценил русскую классическую и советскую литературу. Русским писателям А. Будаев посвятил целый ряд стихотворений: «Бессмертие» (на смерть Н. Островского), «Пушкин», «Скорбный ветер» (о Горьком).

Без преувеличения можно сказать, что точно так же, как нельзя полные живительных соков корни отнять от земли, не погубив при этом растение, так невозможно творчество А. Будаева отделить от балкарского фольклора, на почве которого оно зародилось и росло. Наследуя все лучшее, что было создано народным творчеством,—его вольнолюбивые мотивы, его гражданскую патетику, яркую метафоричность, глубокую образность,—поэзия А. Будаева развивалась в реалистическом русле.

Красноречивы в этом отношении поэмы Будаева «Рассказ охотника» и «Жагафар». Поэмы построены так, что в них ярко показано страдание балкарского народа в прошлом и радость свободного настоящего. Перед читателем сменяются картины, изображающие жизнь балкарского народа, а сам поэт выносит приговор каждой из них. Впервые А. Будаев сделал аульного батрака типическим положительным героем литературы.

За восемь лет неутомимого литературного труда А. Будаев написал несколько поэм, много стихов и песен. Часть его поэтического наследия затеряна.

Ценность творчества Азрета Будаева состоит и в том, что в его стихах отпечатались вся история, весь ход развития и роста балкарского народа в прошлом и в эпоху строительства социалистического общества.

Здесь и боль, и печаль, и благородные порывы, и прекрасные дела. Поэзия Будаева воспитывает любовь к Родине, призывает илущее в жизнь поколение свято хранить лучшие традиции народа и умножать их. И ныне стихи поэта коммуниста, поэта-патриота — боевое идейное оружие в борьбе за построение коммунистического общества.

Д. Бычков.

СТУХИ

МОЯ РЕСПУБЛИКА

Пестреет цветами веселыми
Лугов необъятных наряд,
Над степью, над новыми селами
Багряные флаги горят;
И скалы дрожат под ударами
Бушующих горных ключей
В моей Кабардино-Балкарии,
На родине милой моей.

Пшеница густыми потоками
Колышется, будто вода.
В лугах, под горами высокими
Пасутся привольно стада;
Восходов пылающих зарево,
Снега на Эльбрусе седом —
Моя Кабардино-Балкария,
Мой светлый и солнечный дом.

Была ты когда-то убогою,
Тогда от села до села,
В грязи, бесконечной дорогою
Унылая бедность брела;

И счастье скрывалось, как марево,
И гнулась под гнетом спина —
Моя Кабардино-Балкария,
Была ты бедою полна.

Бедая нависала над саклями,
Царила в амбарах пустых,
И дети голодные плакали,
И не было хлеба для них;
Но буря октябрьская, ярая,
Невзгоды навек унесла —
Моя Кабардино-Балкария,
Ты счастье свое обрела!

Аулы украсились школами,
Почетен колхозника труд,
Заводы под скалами голыми,
Как вешние травы, растут;
Над гладью лугов, над отарами,
В горах, в белизне облаков —
В моей Кабардино-Балкарии
Напевы фабричных гудков.

Прогнав все невзгоды вчерашние,
Открывши грядущему дверь,
Шагает лугами и пашнями
Раскованный горец теперь;
Ты, словно сказания, старая
И юная, словно цветы,
Моя Кабардино-Балкария —
Свободна и счастлива ты!

1937

Я БЫЛ БАТРАКОМ

В далеком ауле, где жизнь нелегка
Под пристальным взглядом суровых вершин,
В голодной семье бедняка-батрака
Родился под ветхою кровлею сын.

В нужде безысходной, в грязи и в пыли
Я вырос, не зная путей среди тьмы,
Босой и голодный. А годы всё шли,
И слово «свобода» слышали мы.

Я помню — куда-то сбежали князя,
А следом за ними явился отряд,
И вот увидал с восхищением я,
Как алые ленты на шапках горят.

О новых порядках твердили в селе,
Что скоро наступит земли передел,
Но бай не сдавался и, словно в седле,
На шее бедняцкой, как раньше, сидел.

Семь лет мне сравнялось, и как-то меня
Отец, повздыхав, посадил на осла,
Мы двинулись в горы, молчанье храня,
По тропке, что нас к Минги-тау вела.

Нас встретил богач, и сказал он отцу
О том, что меня в пастухи он берет,
Кормить меня будет и даст нам овцу —
Огромная, щедрая плата за год!

Отец, попрощавшись, ушел по тропе,
Осла за собою ведя в поводу,
Меня предоставив батрацкой судьбе,
Сулящей побои, позор и беду.

Я с баем стоял, ожидал его слов
И голос услышал — надменный, глухой:
— В отаре на пастбище сотни голов,
За всех отвечаешь своей головой!..

Я мерил шагами луга и поля,
Отару хозяйскую пас я в горах,
Под солнышком летним согрелась земля,
Но холодом душу окутывал страх.

Под ливнем осенним босой я шагал,
Шагал по камням, выбиваясь из сил,
Неистовый ветер меня обжигал,
Сквозь бурку худую мороз леденил.

Вода ключевая — мое молоко,
Сухая лепешка — обильный обед;
Хозяина злого смягчить нелегко —
Одно от него я слыхал: «Дармоед!»

Я был перед ним виноват без вины:
Ведь как ни старался, ни мучился я,
А плетка с моей не сходила спины,
И жил я, обиду на мир затая.

Я думал: «Хозяин на волка похож,
На коршуна хищного, на паука...»
Над всем нависала вгонявшая в дрожь
Его волосатая злая рука.

Когда пастухи говорили при мне,
Что кровь он сосет, заедает их век,
Я с ужасом думал в ночной тишине:
«Хозяин, наверное, — не человек!..»

По суткам не видя людского лица,
Я плакал (а что оставалось мальцу?!),
Я, в землю уткнувшись, роптал на отца,
Отдавшего в рабство меня за овцу.

Был горек мой хлеб — я его отшвырнул,
Чтоб мир перестал мне казаться тюрьмой:
Я плюнул на бая, покинул аул,
В лохмотьях убогих бежал я домой.

Мне ласково гладил лицо ветерок,
Мне в уши струилось шуршание трав...
Я скоро ступил на родимый порог,
И мать беглеца обняла, зарыдав.

Забуду ли я о рожденье втором
От бая, от гнета, от горя вдали?
Я в новую школу вошел с букварем,
И к радостной жизни меня повели...

1933

СЕРГО

В те дни,
Когда, гремя, разверзлись горы
И даже реки
Повернули вспять,
Когда от ржавой крови
Заскорузла
Истерзанной земли
Любая пядь;
В те дни,
Когда земля моя пылала;
Как будто грозный,
Огнедышащий вулкан,
И лютый враг
Жестокою рукою
Всё туже, туже
Стягивал аркан,—
Ты шел вперед
Нехоженой тропой,
Ты шел вперед
Сквозь ураганный шквал,
Ты шел вперед
Под знаменем Свободы,
Ее врагов сражая наповал!
Солдат, строитель,
Славный полководец —
Ты строил Мир и Счастье

На века;
Тебя вели дорогою нелегкой
Великий долг
И честь большевика.
...Всегда с людьми,
Всегда веселый, добрый,
Простой и мудрый,
Крепкий, как гранит,—
Тебя, Серго,
Таким Кавказ запомнил,
Таким тебя
Навеки сохранит!

1936

7624
530 283

Будаев А. К. Б. А. С. С. Р.
Государственная библиотека
им. Н. К. Крупской
г. Нальчик, Ногмова, 42

ТРИ ГЕРОЯ *

Сквозь мрак полярный
Пробились смело
Три патриота,
Три храбреца,
Страна в них силы
Вдохнуть сумела,
Любовь Отчизны
Вошла в сердца.

Они летели
К высокой цели —
Во славу отчей
Родной земли;
Ни лютый холод,
Ни вой метели
Заставить дрогнуть
Их не смогли.

Внизу, под ними,
Закрыв планету,
Туман ложился,
Как пелена,
Но люди мчались
Навстречу свету,
Им путь был ясен
И цель ясна.

* Посвящено В. П. Чкалову, Г. Ф. Байдукову и А. В. Белякову, совершившим 18—20 июня 1937 года беспосадочный перелет Москва — США (через Северный полюс).

Друзья душою
Рвались к пилотам,
Сердца стремились
К сердцам троих;
Враги следили
За их полетом,
И злая зависть
Бурлила в них.

Герои с бурей,
Со льдом боролись,
Стихии косной
Наперекор;
Остался сзади
Надменный полюс,
И покорился
Небес простор.

И вот окончен
Полет орлиный,
По всей планете
Гремит хвала,
И звонкой песней,
Строкой былинной
Потомки скажут
Про их дела.

О племя наше,
Всё сокрушая,
Ты совершаешь
Любой полет,
Когда отважна
Душа большая,
Когда Отчизна
На подвиг шлет!

1937

БЕССМЕРТИЕ

(На смерть Н. Островского)

Он жил между нами
И вел за собой
Под красное знамя
За счастье — на бой.

Он словом и делом
Воспел комсомол,
Был гордым и смелым,
Как горный орел.

Был верен Отчизне,
Сомнений не знал
И собственной жизнью
На подвиги звал.

Обвалом тяжелым
Свалилась беда:
Он умер. Ушел он
От нас навсегда.

И кровью кручины
Струится строка,
И слово «кончина»
Не пишет рука,

И нам не измерить
Тоски до конца...
Не хочется верить,
Что нету бойца!..

1936

КОСАРИ

«Эй, сынки, кончай обедать
И скорей за дело,
Чтобы поле, словно улей,
Снова загудело.

Ведь пока вы предавались
Дреме да беседе,
Не теряли даром время
Хитрые соседи.

Притаилась за горою
Туча дождевая —
От нее, клянусь аллахом,
Убежал едва я!»

Так хитрит, улыбку пряча,
Бригадир колхозный,
Потому что он, вообще-то,
Человек серьезный.

...Ярко солнце светит в небе,
Тучи все в разгоне,
И соседи притомились
На зеленом склоне...

Бригадир расправил плечи,
Он взмахнул косою —
И трава к ногам ложится
Ровной полосой.

Рядом с ним другие встали,
Засверкали косы,
Зажужжали в поле косы,
Точно злые осы.

...Ночь пришла. Блестит на небе
Стая звезд белесых,
Косари уснули крепко
В будке на колесах.

А с рассветом — вилы в руки
И скорей за дело,
Чтоб копен душистых россыпь
В поле заблестела.

1934

ВСТРЕЧА С ЗИМОЙ

...С песней древней, песней мудрой
Вьюга легкокрыла
Ворвалась и снежной пудрой
Скулы скал покрыла.

А потом, по склонам горным
Прогудев металлом,
Всё укутала по горло
Белым покрывалом.

Вот она подкралась с тыла
К речке голосистой,—
И речная гладь застыла
Под горой плечистой;

До весны забыли речки
Пение и танцы,
Влезли, кротки, как овечки,
В ледяной свой панцирь.

Дремлют белые вершины —
Силища слепая,—
Как гигантские машины,
Груз снегов ссылая...

1935

ВАША ДОРОГА СВЕТЛА

Посвящается первому съезду молодых горянок Кабардино-Балкарии

Было время —
Оно вам теперь и не снится —
Край родной был темней
Самой темной темницы;

Были блики надежды —
Словно вежи в болоте;
Были звонкие цепи,
Иногда — в позолоте.

Вас князя, как товар,
Как овец, продавали;
На торгах за овец
Даже больше давали.

Покупали вас баи
За рубли и полтины,
Бородами качали,
Торговались ретиво.

Наряжали невесту,
Как безмолвную куклу,
И мулла одобрял
Эту гнусную куплю...

Так и жизнь проходила
За дверьми каждой сакли.
Ваша скорбь онемела,
Ваши слезы иссякли.

И годами чуть слышно
Шаги шелестели —
От постели до кухни
И от кухни к постели.

...Вихрь нежданно ворвался,
Дверь откинувши настежь,
Крикнул баю да князю:
— Прочь, ты солнце нам
застишь!

Бурь октябрьских порывы,
И могучи, и новы,
Потрясли и сломили
Вековые основы,

Вековые устои,—
И впервые от века
Получила горянка
Все права человека:

И врачует, и учит —
Позабыты мытарства,—
И вершит она ныне
Дела государства.

1935

ПУШКИН

Столетье, как его не стало
Морозной ночью января...
Сегодня память пролистая
Назад листы календаря.

И сердце требует: «Усердствуй!»,
Стучится яростным комком;
И, выполняя волю сердца,
Я чувств не прячу под замком.

Пусть строки искренние эти —
Хоть неумелы и слабы —
Расскажут людям о поэте
Большой и горестной судьбы.

Я вижу, как тропую горной
Проходит он — в плену у вьюг;
Я вижу: по степи просторной
В Одессу держит путь, на юг.

Пред ним бушует море... Город —
Там, за спиной. Здесь — бой стихий.
Здесь — ветра зов... Распахнут ворот,
И льются гордые стихи...

И снова вижу я: поляна,
Зима. Искрится яркий снег.
Поэт лежит. Зияет рана.
Ее нанес не человек...

Не человек, а пес бездомный,
Бездонной низости собрат,
Кто от тоски своей никчемной
Найти любое средство рад!

Народу — боль, царю — удача:
Дантес расправился со «злом»,
И при дворе уже судачат,
Что стихотворцу поделом...

Так будьте прокляты вы оба —
Друг другу были вы сродни —
Палач и царь, чьи месть и злоба
Поэту сократили дни!..

Виденья, словно горы, стойки...
Передо мной его портрет —
И вижу снова дом на Мойке.
И слышу я предсмертный бред,

И в сердце месть кипит святая,
Из горла рвется скорбный стон...
Неслышно календарь листая,
Мне шепчет память: с нами он!

1937

ПЕЧАЛЬ

Мой друг любимый
Ушел от нас,
И сердце взято
В полон бедой,
Он, словно солнце,
Померк, погас,
С небес полночной
Упал звездой.
Меня покинул,
Оставил он,
Печаль мне стала
Теперь сродни.
Я вспоминаю,
Как давний сон,
Былое время,
Былые дни.

Я вспоминаю,
Как мы тогда
Одолевали
Любой подъем,
Как мы с тобою
Пасли стада,
Как песни пели
С тобой вдвоем;

В верховьях Малки
Косили луг
И отдыхали
С тобой в тени,
Мечты большие
Мы знали, друг,
В далекий путь нас
Влекли они.
Теперь один я
На полпути,
А ты навечно
Ушел во тьму,
Как трудно будет
Вперед идти,
Как горько будет
Мне одному.
Пусть за годами
Идут года —
Я не забуду
Твои черты,
Я буду помнить
Тебя всегда,
Я буду верить,
Что рядом ты!

1937

ПОБЕДИТЕЛИ *

В неприступности уверен,
Убаюкан старой славой,
Тихо дремлет в поднебесье
Минги-тау седоглавый.

Дорожит старик своими
Потемневшими боками —
От пронзительного ветра
Он укрылся облаками.

Чтобы лысину не тронул
Солнца луч отвесный, жгучий,
Как зонтом, он заслонился
Пролетавшей мимо тучей.

Вдруг проснулся, глянул вниз он
И увидел под собою:
У его подножья люди
Собираются гурьбою.

Вот построились цепочкой,
Зашагали по дороге...
В чем же дело? Минги-тау
Призадумался в тревоге.

* Стихотворение посвящено 2-й альпиниаде РККА

Смельчаки идут по тропам,
Наступают, лезут в гору,
Вот уже рукою дерзкой
Ледников коснутся скоро.

Омрачился Минги-тау —
Люди движутся к вершине
И, похоже, не на шутку
Оседлать ее решили.

Закричал он:

— Что вам надо?
Что вы ищете на склонах?
Здесь один лишь я хозяин
Горных пиков оголенных!..

Отвечают люди:

— Брось ты,
Затевать не стоит споры,
Мы хозяева отныне,
Нам покорны будут горы!..

— Не бывать тому! — воскликнул
Минги-тау, брови хмурия.—
Иссечет вас град жестокий,
Снежная поглотит буря!..

Но отважным людям драться
Со стихией не впервые,
И идут они все выше
Сквозь завалы снеговые.

Буря склоны оглашает
Диким и протяжным пеньем,

Но куда тягаться буре
Со сноровкой и терпеньем?!

Вот уже звучит:

— Победа!

Пройден путь, Эльбрус под нами!..
В вышине огнем струится
Пламенеющее знамя,

Водруженное над миром .
Человеческой рукою...
И смирился Минги-тау
Перед доблестью людскою.

1935

ТЕЛЬМАНУ

Апостолы кнута и пули
Подобны своре злобных псов,
Они в тюрьму тебя швырнули,
Глумясь, задвинули засов.

В фашистской каменной темнице
Томишься ты, наш брат родной;
У дней, идущих вереницей,
Украден яркий свет дневной.

Они сгноить тебя готовы
От дома, от друзей вдали...
Но для идей твоих оковы
Они придумать не смогли.

Твое дыхание проходит
Сквозь камни стен и толщу плит,
Рождает мужество в народе,
Бороться с недругом велит.

В тебя, в твои идеи верит
Родной тебе рабочий класс;
Хоть нынче множатся потери,
Но пламень правды не угас!

Мы знаем: будет день, который
Вернет покой и тишину,
Покончит с гитлеровской сворой,
Освободит твою страну.

Мы ждем вестей о переменах,
Рожденных гневом и борьбой...
Ты не один в тюремных стенах —
Любовь народная с тобой!

1935

У ПАМЯТНИКА КИРОВУ

Кроны деревьев
Ветер полощет,
Птицы на ветках свили жилье...
Я выхожу
На широкую площадь —
Площадь, носящую имя твое.
Высится памятник,
Точно и крепко
Запечатлевший силу твою;
Перед тобою,
Скинувши кепку,
Я, вдохновленный, долго стою.
В дальние дали
Пристально глядя,
К людям шагнуть ты вечно готов;
Плечи литые,
Русые пряди
Треплет любовно ветер годов.
Смело шагавший
Ветру навстречу,
Страху не знавший в буре и мгле,
Ты в наших душах
Увековечен,
Ты и сегодня — здесь, на земле.
Войско в сраженья
Вел ты когда-то,

Бился за счастье нашей земли,
Ум полководца,
Поступь солдата
К светлым вершинам всех нас вели.
Нес неустанно
Море любви ты
В сердце огромном, бурном, как мир.
Смелым дерзаньям,
Стройкам и битвам
Был ты хозяин, был командир...

1937

КОЛХОЗНЫЙ КОНТРОЛЕР

В ауле раньше всех
Встает он, непоседа.
Жена возмущена,
С утра ворчит на деда...

Во все сует свой нос:
Не доглядели телку;
Колхозный счетовод
Немного сбился с толку;

Не убран скотный двор,
Не сладили с отарой —
Всё трогает его,
Во всё влезает старый!..

Жена возмущена:
«Не человек — заноза!
Тебя боятся все,
И даже предколхоза!..»

...Колхозный контролер
С добром артельным ладит,
Кто на руку не чист,
Того он вмиг отвадит.

Уладит ссору он,
Стряхнет с лентяя одурь;
Пред ним бледнеет вор,
Пред ним краснеет лодырь.

Пускай сосед иной
Его клянет порою —
За правду, всё равно,
Старик стоит горою.

Не дрогнет контролер,
Глядит повсюду в оба:
Ведь правде нипочем
Насмешка или злоба.

...А, в общем, на селе
Решили дружно люди:
Придирчив очень дед,
Но пусть таким и будет!

1935

ТЕЛЕФОН

Он так орет, что прямо страх,
В «половник» черный дует;
А дед Аздор стоит в дверях
И страшно негодует:

«Ведь не ребенок ты давно,
Завфермою ты всё же,
Увидят женщины в окно —
На что это похоже?!»

А тот кричит: «Але! Але!»,
Бормочет бестолково...
— «Живу я долго на земле,
А не видал такого!

Несут от века ложку в рот,
А ты приставил к уху!»
Завфермой знай себе орет
В ту ложку что есть духу.

«Да перестань! Опомнись, друг,—
Ведь никого нет рядом!»
А тот кричит: «Двенадцать штук!...» —
И пот катится градом.

«Двенадцать ружей чабанам,
Чтобы стеречь отары —
Ведь зачастили волки к нам...
Еще пришлите тары!..»

«Вот это дельный разговор,
Давно мы ружья просим,—
Сказал с усмешкой дед Азнор,—
Пусть даст хотя бы восемь...

Нехорошо, однако, друг:
Над стариком всё шутишь,
И для чего, скажи, сундук
За эту ручку крутишь?»

«Я не шучу с тобой, старик,—
Завфермой скрипнул стулом.—
Поверь, не зря я поднял крик:
Я говорил с аулом».

Расхохотался дед Азнор:
«Пускай ты мне начальство,
Но ты городишь просто вздор —
Хоть режь меня на части!..

Да не такой уж дед простак —
Поймет, где быль, где шутки;
Ты говорил с аулом? Так?
Туда ведь ходу сутки!

А впрочем, дай-ка, слышишь, друг,
Прижму я ложку к уху
И, может, что узнаю вдруг
Я про мою старуху!»

За телефон берется «зав»,
Он ручку крутит снова;
И, осторожно трубку взяв,
Глядит Азнор сурово.

«Але! — кричит с испугом дед, —
Ты кто? Не дуй мне в уши!..
Так это ты?.. Салам, Давлет!
Что я скажу, послушай!..»

Доволен дед — растаял лед:
«Старуха как? А внуки?
Ты ей скажи, пускай пришлет
Мне потеплее брюки!..»

...Давно закончен разговор,
Но, трубку сжав рукою,
Всё повторяет дед Азнор:
«Придумали ж такое!»

1936

СКОРБНЫЙ ВЕТЕР

Взметнулся ветер,
Скорбно завывая,
Как будто рухнула
Воздушная стена...
Звезда могучая,
Звезда моя живая
Упала с неба
В озеро без дна.

Откуда скорбь?
Какую весть примчали
Немые почтальоны —
Провода?..
Да, нынче траур,
Нынче день печали —
Рыдайте, птицы,
Горы и вода!

Писатель умер.
Горького не стало.
Не стало Горького —
Звени надрывно, медь!
Пусть будет воля
Из прочнейшего металла —

Рыданий горестных сдержать
Мне не сумею!

Не верю — Горький жив!
Он здесь! Он с нами!
Похитить жизнь саму
Не в силах злая смерть!..
Он — Человек,
Он — реющее знамя!
Он — глубь морская
И земная твердь!..

Его талант
Бескрайней океана
И выше,
Чем заснеженный Эльбрус!
Вот почему
Кровоточит печали рана,
И непосилен мне
Утраты тяжкий груз.

...Пускай от горя
Мыслей ход нарушен —
То обретаю,
То теряю нить —
Пускай рыданья
Просятся наружу,
Но мысль одна
Мне помогает жить.

Простая мысль,
Она, как жизнь, прекрасна,
Как небо внешнее,
Отраднa и ясна:

Пусть Горький умер,—
Смерть над телом властна,—
Над тем, что создал он,
Не властвует она!

1936

МОИМ ДРУЗЬЯМ-ШКОЛЬНИКАМ

Вам открыты все дороги,
Вы должны без колебаний
В путь идти к вершинам горным,
В путь идти к вершинам знаний.
На рассвете вы встаете,
Разбегаетесь по школам,
В классы входите гурьбою
Вместе с солнышком веселым.
Солнце, счастье и свобода
Вам даются от рожденья.
Вам изведать не придется
Злые цепи угнетенья.
Вам навек дружить со спортом
И с науками досталось;
Пусть исчезнет лень-старуха,
Пусть бежит от вас усталость,
Чтобы в классе на уроке
Был ответ, как пуля, меток,
Чтоб ни в школе, ни в колхозе
Вам не знать плохих отметок,
На работе и в учебе
Берегите счастье сами:
Ведь оно в боях жестоких
Завоевано отцами!

1934

ПЕСНЯ ПИОНЕРОВ

Племя пионерское,
Смелое и дерзкое —
Перед нами трудные,
Дальние пути.
Мы пройдем по полюсу,
По полю и по лесу,
Чтоб богатства новые
Для людей найти.

Петь кому охота,
Если не нам?
Не ведем мы счета
Радостным дням.
Перед трудным делом
Нам ли робеть? —
О народе смелом
Будем мы петь!

Родина зажгла нам
Свет Октября.
Мы волшебным планам
Верим не зря:
С каждым днем сильнее
Наша страна,
С каждым днем яснее
Даль нам видна!

Родины частица —
Край бурных вод,
Над тобой, как птица,
Песня плывет!
Подпевают скверы,
Горы, сады —
Вышли пионеры,
Тесны ряды!

Племя пионерское,
Смелое и дерзкое —
Перед нами трудные,
Дальние пути.
Мы пройдем по полюсу,
По полю и по лесу,
Чтоб богатства новые
Для людей найти!

1937

ПОЭМЫ

И. Буайев А. Н.

РАССКАЗ ОХОТНИКА

1

Сын мой, послушай-ка ты старика,
Грустный рассказ поведу.
Годы и годы, века и века
Знали мы только беду.

С детства запомнился нищий аул,
Был мне и голод знаком,
Сколько на князя я спину ни гнул,
Был я бедняк-бедняком.

Вот уж второе столетье живу
В древнем ауле своем.
Землю пахал и косил я траву,
В горы ходил я с ружьем.

Много я в жизни измерил дорог,
Помню и голод и зной...
Нынче о том расскажу я, сынок,
Что приключилось со мной.

Был джигитом я отважным,
Парнем сильным и проворным.
Как-то раз туманным утром
Я бродил по тропам горным.

Три товарища со мною,
Наготове держат ружья,
Чуть заметный след звериный
Отыскать в лесу нам нужно.

Целый день бредем по чаще,
Чтобы встретиться со зверем,
Но следов в помине нету —
Уж в удачу мы не верим.

Наконец остановились
Мы в лесу над самой кручей
И, сухих набравши веток,
Разожгли костер трескучий.

У костра друзья уснули,
Одолела их дремота,
Только я сижу в раздумье —
Мне не спится отчего-то.

Догорает тихо пламя
И мерцает еле-еле,
И стеною обступают
Наш костер густые ели.

...Вдруг кабан, хозяин леса,
Налетает исступленно,
Он подмял меня, и вместе
Покатались мы со склона.

А за нашими телами
Камни сыпались во мраке...
Мы упали рядом — схватка
Снова вспыхнула в овраге.

Шуму схватки, реву, стону
Эхо откликалось глухо...
Вот клыкастому врагу я
Пропорол кинжалом брюхо.

Рухнул враг зловонной тушей,
На клыках желтеет пена;
Взгляд кабаньих глаз кровавых
Затухает постепенно.

Но и сам я был изранен,
И, поднявшись через силу,
Снова я свалился наземь
Там, где зверь нашел могилу.

Сквозь дремоту мне казалось,
Что друзей я слышу крики...
Но лежал я ослабевший,
Безучастный, безъязыкий.

Только лес шумел листвою,
Ночь звенела ручейками...
И забылся я надолго
Сном тяжелым, словно камень.

3

Когда в ущелье заглянул
Пылающий рассвет,
Очнулся я, гляжу вокруг —
Друзей в помине нет.

Хоть ноют раны у меня,
Но вновь я полон сил...
А где ж товарищи?! Мой зов
Ущелье огласил.

Неужто брошен я в горах
Судьбой своей слепой?..
И вдруг я вижу: человек
Идет крутой тропой.

Ко мне он важно подошел,
Спустившись с высоты,
И, подбоченившись, спросил:
«Джигит, откуда ты?

Здесь вся земля кругом моя,
Насколько видит глаз;
Кого хочу, того казню
Иль милую подчас».

А я в ответ: «Охотник я,
Крепка моя рука;
Сюда с кинжалом и ружьем
Пришел издавека.

Дорога к дому моему
Ведет за перевал,
Я беден, в княжеских домах
Вовек не пировал.

С утра до ночи спину гну
На княжеских полях;
Охотою кормлюсь, когда
Мне дичь pošлет аллах».

«Ступай за мной! — меня прервав,
Сказал надменно он. —
Здесь слово каждое мое
Для всех живых закон».

И он пошел, а я за ним
В смятении иду...
Что эта встреча мне сулит —
Удачу иль беду?

Мы шли меж вековых дубов
В лесной зловещей мгле,
И корни черные у ног
Змеились по земле.

Редет лес, светлеет даль,
И вижу: предо мной
Огромный замок на холме
За каменной стеной.

Он сложен прочно, на века,
Из исполинских глыб —
В него и тысячи полков
Ворваться не могли б!

Вот над бурлящею водой
Проходим по мосту,
Туда, к воротам, где стрелки
Томятся на посту.

И перед нами поднялись
Ворота, заскрипев;
Как похоронный скорбный плач,
Был мрачен их напев.

На зубьях башен черепа
Белеют с вышины;
Три трупа скрюченных лежат
У крепостной стены.

Мы входим на зеленый двор,
Просторный, словно луг,
И нам навстречу впопыхах
Бегут десятки слуг.

Перед хозяином своим
Склонившись до земли,
Они приветствовали нас
И в дом нас повели.

В огромном зале свет зажжен,
И подневольный люд
Спешит украсить стол резной
Сверканьем медных блюд.

Слепит, как солнце, этот стол,
Он, как гора, велик —
Чего здесь только нет: и дичь,
И фрукты, и шашлык.

Кувшины посреди стола,
Как башни, стали в ряд,
И вина чужеземных стран
Свой аромат струят.

«Садись, джигит, за стол со мной,
Налей полнее рог,
Отведай крепкого вина —
Оно джигитам впрок.

Еды такой, клянусь душой,
Не знал ты и во сне!
Здесь всё, что на столе, твое! —
Сказал хозяин мне. —

Пока в гостях ты у меня,
Не смеешь унывать!
Захочешь — сможешь каждый день
Не хуже пировать».

А я вовсю и пил, и ел,
Речам его дивясь,
Когда ж насытился, спросил:
«Теперь скажи мне, князь:

За что такому бедняку
Оказываешь честь?
И почему за стол с собой
Позволил рядом сесть?

Ведь с малолетства знаю я:
Князей закон таков,
Что им зазорно выбирать
Друзей из бедняков!»

А он в ответ: «Ты слишком смел,
Язык несдержан твой,
Недолго при таких речах
Расстаться с головой.

Но так и быть, скажу тебе,
Кто я и почему
Бедняк сегодня приглашен
К обеду моему.

Я хан владетельный. Мои
Богатства велики.
Қазною звонкой до краев
Набиты сундуки.

В конюшнях сотни скакунов,
Тучны мои стада,
Мне все подвластно: и леса,
И горы, и вода.

Узнать ты хочешь, для чего
Тебя я в замок взял
И пригласил войти сюда
Со мною в этот зал?

Хоть не привык я никому
Ни в чем давать отчет,
Но окажу тебе, джигит,
Неслыханный почет.

На свой вопрос получишь ты
Без лишних слов ответ:
Узнай, что прихотей моих
Важнее в мире нет!»

И тут меня небрежно хан
Ударил по плечу:
«Ты мне по нраву. Я тебя
На службу взять хочу.

Ведь ты вынослив и силен
И, взявши в руки плетъ,
Рабов сумеешь не щадить,
Их шкуру не жалеть.

Тебе должны быть их мольбы
И слезы нипочем,
Как саблей, должен ты владеть
Безжалостным бичом...

Ну, вот тебе и весь мой сказ,
Теперь ответа жду.
Не согласишься — на себя
Накличешь ты беду».

Умолкнул хан. В моей груди
Растет безумный гнев:
«Чтоб я да в палачи пошел,
Душой окаменев?!»

Я пальцы стиснул в кулаки
И побелел, как мел.
Вдруг дверь открылась. Я
взглянул —
И сразу онемел.

4

В дверях красавица стояла
И на меня, удивлена,
Гядела из-за покрывала,
Как из-за облака луна.

Глаза ее — как два алмаза,
А брови — словно два крыла...
О девушка, ты в сердце сразу,
Как песня звонкая, вошла.

Ее ресницы — точно стрелы,
И взгляд зовет, как даль дорог;

Откинув шаль, легко и смело
Она шагнула за порог.

Тугие косы водопадом
Струятся по ее спине,
Она со мною стала рядом
И протянула руку мне.

Но хан нахмурился сердито,
Закручивая ус в кольцо:
«С какого времени джигиту
Показываешь ты лицо?!»

«Отец, — красавица сказала, —
С дарами прибыл караван».
И, вмиг повеселев, из зала
Поспешно вышел грозный хан.

5

И взглядом отца проводивши,
Помедлив, она у стола
Садится, и тотчас беседа,
Как вешний ручей, потекла.

Кто я, расспросив, и откуда,
И всё про меня разузнав,
Она свое имя открыла,
Чудесное имя — Зайнаф.

Узнал я, что дочери хана
Шестнадцать исполнилось лет,
Что шли караваном тоскливым
Года за годами вослед...

Я слушал, боясь шевельнуться —
Чтоб явь не исчезла, как сон,
И понял я сердцем влюбленным,
Что в замке я дважды пленен;

Что ради очей лучезарных
Готов я все муки презреть,
За радость ее и за счастье
Готов хоть сейчас умереть.

Но нет в ее взоре веселья,
Лишь боль и тоска в нем видна,
«Зайнаф, почему ты печальна?»
И мне отвечает она:

«Я в замке живу, как рабыня,
Судьбу свою злую кляня:
Незримые тяжкие цепи
Опутали крепко меня;

Не слышу я дружеской речи,
Не вижу приветливых лиц, —
Здесь плети без устали свищут,
Да стоны звучат из темниц.

Здесь каждый, кто хану подвластен,
На рабство и смерть обречен,
И тот, кто пришел в этот замок,
Со смертью уже обручен.

Ведь если от службы постыдной
Откажешься ты сгоряча,
Тебя ожидает наутро
Отточенный меч палача!

А если ты к хану наймешься,
Забывши и совесть, и стыд,
Он волю и ум твой задушит
И душу в тебе умертвит!

А тот, кто души не имеет, —
Пустой и ненужный сосуд,
Года не вернут его к жизни,
Молитвы его не спасут.

Не лучше ли стать ему трупом,
Как те, что лежат во дворе, —
Друзья твои, слугами хана
Убитые здесь на заре?!»

...Я вскочил и пошатнулся,
Застонал, от горя пьян;
В этот миг открылись двери
И вошел довольный хан.

Потирает алчно руки —
Видно, выпал славный день:
Много выкачал добра он
Из окрестных деревень.

Я вскричал: «Шакал проклятый! —
Из ножон рванувши нож, —
Ты убил моих братьев,
И теперь ты сам умрешь!»

Хан в лице переменился,
Он от злобы задрожал,
И, как барс оскалив зубы,
С криком выхватил кинжал.

Мы сошлись в жестокой схватке —
О клинок звенит клинок,
Оглашают своды зала
Лязг оружия, топот ног.

Вот близка моя победа,
И к концу подходит бой!..
Но, гремя щитами, слуги
В двери хлынули гурьбой —

Вмиг меня швырнули наземь,
Насмехаясь и браня,
По истоптанным ступеням
Потащили вниз меня.

И в зловонную темницу,
Как комок земли в обрыв,
Брошен я. Замкнулись двери,
Небо от меня закрыв.

...Я лежу во тьме крошечной,
Знаю, что спасенья нет;
Но откуда в душу льется
Этот яркий, нежный свет?

Словно луч луны двурогой,
Тьму тюремную прорвав,
Предо мной сияет облик
Ханской дочери Зайнаф.

6

Прошли часы,
А может, годы —
Не знаю, сколько дней прошло...

Как мрачны вы,
Сырые своды,
Как вы нависли тяжело!

Увижу ль вновь,
Родные дали,
Вершины гор, стремнины рек?..
Мне через дверь
Порой кидали,
Как псу бездомному, чурек.

Тоска немая
Всё сильнее
Мне душу жгла день ото дня,
И образ девушки,
Бледнея,
Всё реже посещал меня.

Глоток воды
Да корка хлеба —
Вот всё, что жизнью мне дано...
Увижу ль
Голубое небо
Или одно мне суждено:

Найти конец
В сырой темнице,
В проклятом каменном мешке;
Исчезнуть,
В землю превратиться
От отчих саклей вдалеке!

Я с каждым днем
Теряю силы,

Я изнемог... Но как-то раз
Я вдруг услышал
Голос милый:
«Джигит, мужайся! Близок час!

Я дверь железную
Открою
И кандалы с тебя сниму,
Назавтра
Этой же порою
Покинешь ты свою тюрьму».

Что это — явь?
Иль только снится?
Подобен грому сердца стук...
Как будто радостная птица
В темницу
Залетела вдруг.

Зайнаф,
Ты мимо спящей стражи,
Лицо укутав в легкий шарф,
Прошла неслышным шагом,
Даже
Одеждами не зашуршав!

И слышу
Громкий шепот снова,
Отрадный, как родник в пути:
«Молчи!
Не говори ни слова;
Я ухожу, чтоб вновь прийти».

Шагов чуть слышных
Звуки стихли,

И голос в темноте угас,
Но в сердце
Радостные вихри —
Освобожденья близок час!..

7

Я спал, и небо снилось мне
И горы в бурках туч,
Когда в заржавленных дверях
Тихонько звякнул ключ.

Вошла Зайнаф. (Мне не забыть
Вовек минуты той!)
Ее просторный черный плащ
Сливался с темнотой.

Во тьме белело лишь лицо,
Полночною луной;
И с тихим возгласом Зайнаф
Склонилась надо мной.

Упали разом кандалы,
Звеня о камни плит.
И нежный голос прозвучал:
«Вставай! Пора, джигит!

Иди, джигит! Свободен путь,
Отец уснул давно,
И страже сонная трава
Подсыпана в вино.

Не светит месяц с высоты,
И нет на небе звезд,
И над бурлящею водой
Уже опущен мост.

Ты, не замеченный никем,
Войдешь под свод ворот,
Пойдешь на юг, за перевал,
Увидишь свой народ.

Тебе я принесла ружье.
С собой его возьми —
Чтобы сумел сразиться ты
С недобрыми людьми.

А я останусь взаперти,
Судьбе своей верна,
Мне чаша горя суждена —
Я пью её до дна».

«О, нет! — воскликнул я. — Вдвоем
С тобой мы в путь пойдем,
Туда, где ждет обоих нас
Гостеприимный дом!

Пускай там стены не в коврах
И кровля там низка,
Но знай, что счастье ты найдешь
В жилище бедняка!»

«Джигит мой смелый! Я, поверь,
Готова жить с тобой
В пещере темной, в шалаше
И в хижине любой.

Но у меня старуха-мать,
Забита и больна,
Тирана злобного она
Несчастливая жена.

И если я, свой долг забыв,
С тобой сейчас уйду,
То я накличу на нее
Смертельную беду...

Прощай, джигит, иди скорей,
Заря уже близка;
В твоей свободе для меня
И радость, и тоска».

Она ружье мне подала
И крепко обняла,
Мое горящее лицо
Слезами обожгла...

И я ушел. И навсегда
Запомнил я с тех пор
Её прощальные слова,
Её печальный взор.

8

Я в гору с трудом подымался,
По спускам отлогим скользил,
Сквозь чащу, по тропам звериным,
Я шел, выбиваясь из сил.

Я ждал за собою погони,
Но вот уже солнце взошло,
Кругом никого — только птицы
Приветствуют свет и тепло...

Под вечер я встретил оленя,
Но даже не поднял ствола,

Чтоб свора прислужников хана
Услышать меня не могла.

Мне хлеб заменяли коренья,
Вино — ключевая вода...
Днем солнце мой путь направляло,
Вела меня ночью звезда.

И вот на четвертые сутки
Узнал я родные места,
О, как мне милы эти камни
И шорох любого листа!

Всё ближе к родному селенью
Знакомая тропка вела.
И вдруг на замшелом утесе
Я горного вижу козла.

Обрушился выстрел на склоны,
И гул раскатился волной, —
И камнем козел круторогий
Упал на траву предо мной.

Поспешно свой путь продолжая,
Я тушу несу на плечах;
И вижу: вдали, над рекою —
Мой кров, мой родимый очаг.

Навстречу мне бросились братья
И стали меня обнимать;
Соседка всплеснула руками,
И в голос заплакала мать.

Она, заливаясь слезами,
Твердила: «Аллаху хвала!..»

А весть о моем возвращенье
Уже весь аул обошла.

Вот сделались тени длиннее,
И солнца светильник погас,
Собрались все люди селенья
Послушать мой грустный рассказ.

Заполнив наш двор до отказа,
Внимали они в тишине:
Одни поражались, дивились,
Другие не верили мне.

...Вдруг храп лошадиный ворвался
В беседу, что мирно текла,
И княжеский стражник спесиво
Кричит, не слезая с седла:

«Приказано в княжеский замок
С тобой мне явиться сейчас!..»
...И вот я стою перед князем
И свой повторяю рассказ.

Князь слушал и гладил рукою
Узор на ковре дорогом:
«Я сказок наслушался вдоволь —
Теперь расскажи о другом!

Мне слуги мои доложили —
Известно усердие их, —
Что ты занимался без спросу
Охотой в угодьях моих.

Ты мастер плести небылицы —
Знать, росказни нынче в цене:

Сын мой, на старую саклю взгляни,
Сколько в ней стертых камней —
С книгой старинною сходны они,
С книгой безрадостных дней.

Все пред тобою открыты пути,
Дали любые видны...
Всё же страницы бывшего прочти,
Не забывай старины!

1936

ЖАГАФАР

Вступлени е

Я вверх поднялся,
Как на крыльях,
К седым вершинам вековым,
Навстречу ветру
Грудь раскрыл я,
Навстречу глыбам снеговым.
В сиянье солнца
Предо мною —
Простора горного краса,
И облака
Над головою
Плывут, как в море паруса.
Вот солнце село
Где-то рядом,
Луч исчезает за лучом,
И потемневшие громады
Встают тесней,
К плечу плечом.
Кругом,
По синеве небесной,
Закатная струится медь,
И в сердце возникает песня

И сердцу
Хочется запеть;
И Минги-тау седоглавый
Спокойно смотрит на меня...
Как я люблю
Луга, дубравы,
Ночную мглу
И краски дня;
Полет орла
В закате алом,
Бурливых рек
Немолчный гул,
Люблю тебя,
Прильнувший к скалам,
Тебя,
Родимый мой аул!..
Баксан,
Как жеребец могучий,
Мчит, закусивши удила,
Гремит копытами
По круче,
И пена,
Словно снег, бела.
Года,
Века,
Тысячелетья
Таким же был его полет,
Но, новую эпоху
Встретив,
Он песни новые поет.
И песней радостной захвачен,
Услышав музыку воды,
Решишь:
Не знал он неудачи,
Не знал

Позора и беды...
...Но не всегда
Звучат здесь песни —
Бывает так иной порой:
Сойдутся тучи
В поднебесье,
Сомкнут рядов
Чугунный строй;
И как с цепи
Сорвется буря,
Как будто сбросив
Груз оков,
И небо,
Грозно брови хмуря,
Польет
Из тысяч бурдюков;
И зазвенят мечи
В ущелье,
Река
Затопит берега, —
Как будто войско
В жажде мщенья
Лавиной
Мчится на врага.
Тогда мне кажется,
Что ветер
Вот так же дул
В могучий рог,
Когда, пройдя
Сквозь горы эти,
Октябрь ступил
К нам на порог.
Когда с ним вместе
Из России
Свобода светлая

Пришла,
И мы,
Врагов своих осилив,
Вершили славные дела...
...Прошли года,
И вот сегодня
Цветет
Родная сторона:
Земля прекрасна
И свободна,
Подобна девушке она.
Она лицо свое умыла
Водой журчащей
Ключевой,
И тело стройное
Укрыла,
Как шалью,
Бархатной травой.
...О, сколько ты
Следов впитала,
Земля, прекрасная в веках!
Я вижу,
Как чабан устало
Бредет с ягненком на руках;
Я вижу:
Девушки гурьбою
Идут,
Кувшинами звеня;
Я вижу:
Дымкой голубою
Туман окутал зеленыя.
Зубцы хребтов
Торчат пилою,
Внизу —
Счастливое село...

И вспоминается
Былое —
Оно в сказаньях
К нам пришло.

1

Жил в моем ауле бедном
Смелый юноша-джигит,
Сердце львиное имел он,
Был он крепким, как гранит.
Против бая, против князя
Не боялся он идти.
Разошлась о храбром слава
На семнадцать дней пути.
Он медведя прямо в сердце
Меткой пулей поражал;
Ствол могучий, словно ветку,
Разрубал его кинжал.
На лугу, на пашне равных
Не знавал он никого,
И тяжелая мотыга,
Словно пух, в руках его.
Как кузнечный тяжкий молот,
Кулака его удар;
Пеньем славился повсюду
Черноглазый Жагафар.
За его здоровье пили
В саклях верные друзья,
Но отважного джигита
Ненавидели князья.
Князь Махай, властитель здешний,
Темной ночью, белым днем
Всё искал удобный случай,
Чтоб аркан стянуть на нем.

«Я сведу с проклятым счеты —
Вот уже который год
Речи дерзкого смутьяна
Баламутят весь народ!»
Князю вторит бай почтенный,
Парня смелого кляня:
«Батраков он подбивает
Не работать на меня!»
И мулла им подпевает,
Неопрятен, зол и стар:
«Вольнодумец и безбожник
Этот дерзкий Жагафар!»
Жагафару горя мало,
Что ярятся богачи;
У него свое богатство:
От сердец людских ключи.
Оттого бурлят в нем силы
И в душе пылает жар,
Оттого-то гость желанный
В каждом доме Жагафар...
Но войти в одну из саклей
Он не гостем был бы рад —
В ту, где сердце он оставил
У прекрасной Жансурат.
Что скрывать? Они друг друга
Полюбили с давних пор,
И вели об этом травы
Неумолчный разговор;
И шептал об этом ветер,
И шумел об этом лес,
И об этом пели птицы,
Улетая в даль небес.
И об этом знали люди
И желали им добра,
Но суров запрет отцовский,

Непреклонен, как гора, —
Нет скота у Жагафара,
И земля его плоха,
А для девушки искали
Побогаче жениха.
Пусть красой жених не блещет,
Пусть не много в нем ума, —
Только бы зерном отборным
Были полны закрома
Да стада его бродили
И тучнели с каждым днем,
Только б слава богатея
По аулам шла о нем!
Но верны друг другу были
Жагафар и Жансурат,
Их любовь, узнав преграды,
Ярче вспыхнула стократ.

2

Бедно в сакле Жагафара —
Нет роскошных в ней ковров,
На лежанке — козья шкура,
На полу — вязанка дров.
Блещет дедовская шашка-
Полумесяц на стене,
С нею дед его когда-то
Красовался на коне.
Рядом с шашкой два кинжала
И охотничье ружье, —
Вот и всё, что украшает
Небогатое жильё.
На простой своей постели
Отдохнуть джигит прилег.
Вдруг — шаги... Всё ближе, ближе.

И ступает на порог
Жансурат. Глаза потупив,
Говорит ему она:
«Без тебя, мой ненаглядный,
Жизнь мне больше не нужна!
Без тебя вокруг пустыня
И не слышен звон ручья,
Без тебя не пахнут травы —
Без тебя несчастна я!
А теперь мы неразлучны,
Будем вместе наконец!
Мне сейчас на нашу свадьбу
Дал согласие отец».
Жагафар, от счастья бледен,
Не находит нужных слов,
Он увидел в сакле солнце,
Он весь мир обнять готов.
И в глаза ее целует,
Косы гладит Жагафар,
Весть нежданную, благую,
Принял он, как неба дар.
...День спустя в ауле горном
Разгорелся шумный той,
С женихом деля веселье,
Ликовал народ простой.
Молодых пришли поздравить
Из соседних деревень;
Плеск вина, гармони звуки,
Песни, пляски целый день.
И кивают бородами
В такт напеву старики;
На подносах — турье мясо,
Брызжут жиром шашлыки.
Разгорелся пир веселый,
Ярким солнцем озарен,

И несут, несут подарки
Молодым со всех сторон.
Жансурат к столу подходит,
Легкой шалью стан обвит,
Жениху подносит чашу...
...И проснулся наш джигит.
Он один, как прежде, в сакле,
Погружен в ночную тьму,
Значит, всё ему приснилось,
Всё привиделось ему.

3

С той поры прошло два года,
Жагафара нет в селе,
Бродит он по горной, милой
Обездоленной земле.
Князь Махай силки расправы
Для него недаром вил:
Из села изгнал джигита,
Вне закона объявил.
Там, где пенятся потоки,
Где торчат обломки скал,
Жагафар жилье устроил,
Он пещеру отыскал.
Сил джигита не сломило
Злого князя торжество,
И насильников повсюду
Настигал кинжал его.
Он вершил рукою твердой,
Беспощадный, правый суд,
Помогал во всём джигиту
Из аулов бедный люд.
О защитнике народном

Шла молва, как в море вал,
Люди помнили джигита,
Он людей не забывал.
Но любимой нету рядом,
И дорога к ней длинна:
Черны кудри Жагафара,
Словно иней, седина...
А в родном его ауле
Тосковала Жансурат:
И подруги ей не в радость,
И не радуется наряд.
Для нее луну и солнце
Застылают облака, —
Как в народе говорится:
«Темен день для бедняка».
День и ночь томится в сакле,
Беспрестанно слезы льет;
О, когда, когда же вести
Милый о себе пришлет!?
О, когда же перед нею
Остановит он коня
И заглянет прямо в очи:
«Не забыла ли меня?!»
О, когда им доведется
Неразлучно быть вдвоем?
Сколько ей еще томиться
В одиночестве своем?
Нет исхода, нет спасенья,
Давит ноша тяжких дум,
О разлуке с горькой жизнью
Мысль приходит ей на ум.
И на стену то и дело
Жансурат глядит в упор,
От отцовского кинжала
Отвести не в силах взор...

Тихо вечер опустился
 Черной птицей на аул,
 На дороге пыль осела,
 Голосов смолкает гул.
 Утомились в поле люди,
 Им уснуть давно пора...
 Лишь в просторном доме князя
 Свет не гаснет до утра.
 Близких родичей собрал он
 И друзей позвал в свой дом, —
 Угощает их на славу,
 Крепким потчует вином.
 Вот беседу он заводит,
 Говорит он им: «Друзья,
 Вас собрал я для совета:
 Вновь хочу жениться я.
 Много девушек в ауле,
 Но меня влечет одна,
 Мне самим аллахом в жены
 Предназначена она.
 Хоть её семья не знатна
 И достатка в доме нет,
 Блеск девичьих глаз прекрасных
 Ярче золота монет.
 С чем сравню ее улыбку?
 С чем сравню девичью статью?..
 Кто из вас других речистей?
 Кто берется сватом статью?
 Слышал я, что Жагафара
 Любит девушка давно...
 Ну, кому из вас уменье
 Уговаривать дано?
 Кто устроит, чтобы стала

Жансурат моей женой,
С тем оружием обменяюсь,
Одарю того казной!»
И Ахмет меднобородый,
Речи выслушав его,
Закричал: «Готовь подарки —
Скоро будет сватовство!»

5

Поутру, едва лишь солнце
Озарило край земли,
Три посланца — князьих свата --
В саклю девушки вошли.
Их нежданного прихода
Испугались старики;
Сразу тесно стало в сакле,
Застучали каблуки;
Льстивой, хитрой, пышной речи
Забурлил водоворот,
И родители невесты
Слушали, разинув рот.
А сама она, в испуге
Стиснув руки, побледнев,
У окна безмолвно стоя,
Еле сдерживала гнев.
Вот ведет, лукаво жмурясь,
Речи сладкие Ахмет:
«От владетельного князя
Я принес тебе привет.
Тот, кто властью и богатством
Всюду славен под луной,
Тот тебя с любовью просит
Стать навек его женой.
Всё, о чем мечтают люди,

Ниспошлет тебе аллах:
Будешь есть на серебре ты,
Будешь нежиться в шелках!
Будет всё тебе подвластно:
Люди и земля вокруг;
Будут каждое желанье
Выполнять десятки слуг!
Счастье на тебя свалилось —
Что ж, судьбу свою решай:
У себя в богатом доме
Ждет ответа князь Махай».
Жансурат, глаза потупив
И Ахмету поклонясь,
Отвечала: «Много чести
Мне оказывает князь.
Пусть простят меня за дерзость —
Может, речь моя смела,
Но признаюсь: я другому
С детства сердце отдала».
Тут отец, всплеснув руками,
Закричал: «Послушай, дочь,
Счастье, что к тебе стучится,
Ты бездумно гонишь прочь!
Если ты глупа настолько,
Что не мил такой жених,
То подумала б хотя бы
О родителях своих!»
Долго длились уговоры,
В разговор вмешалась мать,
Но невеста, тихо плача,
Не хотела принимать
Ни советов, ни подарков.
И отец сказал тогда:
«Ничего, пускай поплачет,
Слезы девичьи — вода...

Князю светлomu скажите,
Что согласье я даю,
Что женою очень скоро
Назовет он дочь мою!»
...Никакие уговоры
Ни муллы и ни отца
Не затмили милый облик
Жагафара-удальца.
Жансурат одно твердила:
«Я за князя не пойду,
Лучше я в могилу лягу
На семнадцатом году!»
Весть о сватовстве Махая
Всю округу обошла,
И судачили об этом
От села и до села.
Кто завидовал невесте,
Кто жалел ее до слез,
Кто над князем потешался:
«Тоже вздумал, старый пес!»
...На четвертый день посланцев
Князь прислал к невесте в дом,
Он велел ее доставить
Не по воле, так силком.
К Жансурат они ввалились
И, услышав снова «нет!»,
Загремел трубою медной
Разъярившийся Ахмет:
«Долго ль слушать мне без толку
Болтовню девчонки злой?!
Всё равно ваш брак записан
И благословлен муллою!»
Мигом руки ей связали
И платком заткнули рот,
Чтоб в ауле не слышал

Крика девушки народ.
На лицо платок накинув
И поднявши от земли,
Ношу трепетную быстро
К дому князя понесли...

6

Донесли до Жагафара
Весть тревожную друзья:
«Скоро станет жертвой князя
Нареченная твоя».
Побледнел джигит отважный,
Он блее мела стал,
Будто к сердцу приложили
Раскалившийся металл.
Но, смятение пересилия
И смиривши сердца стон,
Он выходит из пещеры
И свистит протяжно он.
И на посвист молодецкий,
Весь кипенье, весь огонь,
По тропе из-за утеса
Прискакал горячий конь.
Пышногривый, тонконогий,
Как из бронзы весь отлит.
Поводя ушами чутко,
У пещеры он стоит.
Жагафар унять не может
Нетерпение свое,
Он рванул кинжал из ножен,
Кверху вскинул острие:
«Я клянусь перед друзьями,
В том свидетель мой кинжал —
Не уйдут от мести правой

Те, кто слабых унижал!
Разыщу врагов повсюду,
Все замки я разобью,
Я из клетки золоченой
Птицу вызволю мою!»
На коня джигит садится,
Рвется конь, как будто в бой;
Взмах нагайки... конский топот...
Пыль клубится над тропой...

7

Над аулом ночь глухая,
Блещет в небе звездный рой,
Вот уже двурогий месяц
Показался над горой.
Горы спят вокруг Баксана,
Каждый камень сном объят,
Только на краю аула
В доме княжеском не спят.
Там, в роскошной спальне князя,
Жансурат сидит одна.
Видно, ей испить придется
Чашу горькую до дна,
Ведь судьба неотвратимо
Занесла над нею плеть...
Если б яд был под рукою!
Если б ей кинжал иметь!
Вдруг раскрылись настежь двери,
Тяжким шагом князь вошел,
Заскрипели половицы,
Зашуршал халата шелк.
«Что, жена моя, грустишь ты? —
Льстиво князь проговорил.—

Может, мало тканей пестрых,
Мало бус я подарил?
Или тут ковры потерты
И тебе не по нутру?
Только молви — прикажу я
Заменить их поутру!
Бороду я хной покрасил,
Я усы себе подстриг —
И с любимым могу поспорить.
Не гляди, что я старик.
Говорят недаром: вина
Тем вкуснее, чем старей...
Обними меня покрепче,
Поцелуй меня скорей!..»
Князь Махай подходит ближе
И, ощерив хищно рот,
Жертву прихоти бесстыдной
Крепко за руки берет:
«Этой сладостной минуты
Жду, красавица, давно!..»
Но внезапно лютым барсом
Жагафар вскочил в окно.
Он на князя наступает,
Он теснит его к стене...
«Защищайся, пес поганый,
Ты за всё ответишь мне!
За любимую невесту!
За несчастных бедняков!»
Вмиг скрестились два кинжала —
Искры сыплются с клинков.
Долго длилась эта схватка —
Князь Махай уже без сил,
И джигит ударом метким
В грудь кинжал ему вонзил...
...Горы спят вокруг Баксана,

Каждый камень сном объят.
Скачут вверх по узким тропам
Жагафар и Жансурат.
Еле виден край тропинки
В предрассветной зыбкой мгле,
Над стремниной по ущелью
Мчат они в одном седле.

8

Весть о смерти злого князя
Всю округу обошла,
Бай кряхтел, мулла молился,
А народ твердил: «Хвала
Милосердному аллаху!
Все мы знали наперед,
Что к собаке смерть собачья
Неминуемо придет!»
В жажде мщенья дети князя,
Собутыльники, родня —
Все отправились по следу
Жагафарова коня.
Ищут день, другой и третий,
А удачи нет как нет;
По глухим ущельям рыщут —
Храбреца пропал и след.
Рассылают слуг повсюду,
Всех обыскивать велят
И за голову джигита
Горы золота сулят.
Но найти его — что реку
Перейти весною вброд...
«Пусть в горах поищут ветра!» —
Говорил простой народ...

Поздней ночью по дороге
 Всадник мчит во весь опор
 И, как молния, влетает
 К Урусбиевым во двор.
 Вот посланца в дом проводят,
 Говорит поспешно он:
 «Из Сванетии я прислан,
 От князей привез поклон.
 Передать князьям велели,
 Что уж скоро минет год,
 Как в горах у нас охотник
 С молодой женой живет.
 По лесам с ружьем он ходит,
 Ищет зверя ночь и день,
 И подруга с ним повсюду —
 Неразлучна, словно тень.
 Слишком горд он, слишком груб он,
 Слишком смел его язык,
 Он властителям, как видно,
 Подчиняться не привык.
 Пред князьями он не хочет
 Усмирить свой дерзкий пыл...
 И видать по всем приметам,
 Что Махая он убил.
 Что же будет, если слуги
 Убивать начнут господ?..
 Сванский князь князьям балкарским
 Руку дружбы подает,
 Приглашает для охоты
 На презренного раба!
 Ждет проклятого убийцу
 Незавидная судьба...»

На камнях пригрелись змен,
В небе коршуны парят;
Возле сакли одинокой
Конный спешился отряд.
Окружили, подступают,
Предвкушая торжество...
Двери настезь! — «Где хозяин?
Эй, хозяин!..» Никого...
И в ответ на их расспросы
Говорит старик сосед,
Что с женой ушел охотник
За добычею чуть свет.
«На коней! За ним в погоню! —
Бросил князь призывный клич.—
Пусть удачливый охотник
Превратится нынче в дичь!
Мы устроим им засаду
Над охотничьей тропой —
Никогда не будет больше
Нам дерзить холоп тупой!»
...Там, по тропам каменистым,
Где кустарник весь зачах,
Пробирается охотник
С тушей тура на плечах.
А за ним его подруга
Тонкостанная идет.
Им бы засветло добраться
До села, где отдых ждет.
Выстрел! Это враг коварный
Верно рассчитал удар,—
На тропу, на камни — тихо
Опустился Жагафар.
Он отполз, скрипя зубами,

За ооломки скал залег,
И ружье к себе придвинул —
Звонко щелкает курок.
«Что ж, попробуйте, возьмите
Одного вдесятером!..»
Эхо мчалось по ущелью,
Разнося ружейный гром.
Жагафар — стрелок искусный,
Он сразил девятерых;
Вдруг коварный выстрел в спину —
Он рванулся... и затих.
Уцелевший враг к джигиту
Подбежал, победе рад;
Но коварного убийцу
Встретил выстрел Жансурат.
Жансурат над телом мужа
Плачет, бедная, навзрыд,
Без конца его целует,
До утра с ним говорит.
На заре, разжав объятья,
Оторвавшись от него,
Под скалою схоронила
Жагафара своего....
Сван — старик, крестьянин бедный,
По тропе идя к хребту,
Через десять дней увидел
Под скалой могилу ту.
У могилы безымянной,
Над играющим ручьем,
Тело женское лежало
Рядом с буркой и ружьем.
И подумал сван: «Наверно,
Их любовь сильна была,
Если жизнь ей, одинокой,
Оказалась не мила».

Снял он старенькую шапку,
Низко голову склонил,
Жертву верности и скорби
Рядом с мужем схоронил...

Э п и л о г

Печальная легенда эта
О том,
Как жил народ вчера,
Всю ночь звучала,
До рассвета,
У затухавшего костра.
Ее рассказывал
Пастух мне,
Она была,
Как страшный сон...
«Но свет любви
В веках не тухнет,
И жизнь идет», —
Закончил он.
...Да, жизнь число счастливых
множит —

В горах,
В долинах,
В городах;
Она сама
Легенды сложит
О новых,
Радостных годах!

1939-1940

О Г Л А В Л Е Н И Е

Слово о друге. Д. Бычков	3
------------------------------------	---

С т и х и

Моя республика — перевел Ю. Даниэль	11
Я был батраком — перевел Ю. Даниэль	13
Серго — перевел Ю. Хазанов	16
Три героя — перевел Ю. Даниэль	18
✓ Бессмертные — перевел Ю. Даниэль	20
✓ Косари — перевел Ю. Хазанов	22
Встреча с зимой — перевел Ю. Хазанов	24
✓ Ваша дорога светла — перевел Ю. Хазанов	25
Пушкин — перевел Ю. Хазанов	27
Печаль — перевел Ю. Даниэль	29
Победители — перевел Ю. Даниэль	31
✓ Тельману — перевел Ю. Даниэль	34
У памятника Кирову — перевел Ю. Даниэль	36
✓ Колхозный контролер — перевел Ю. Хазанов	38
✓ Телефон — перевел Ю. Хазанов	40
✓ Скорбный ветер — перевел Ю. Хазанов	43
Моим друзьям-школьникам — перевел Ю. Даниэль	46
Песня пионеров — перевел Ю. Хазанов	47

П о э м ы

Рассказ охотника — перевели Ю. Даниэль и Ю. Хазанов	51
Жагафар — перевели Ю. Даниэль и Ю. Ха- занов	73

